

С И Шиэра сняли тяжёлые цепи.

Влажные пряди волос прилипли к маске. Он едва заметно повёл плечами и хрипло спросил:

— Какова цена?

— Она есть, — Глава тайной стражи разжал ладонь. На ней покоилась маленькая тёмная пилюля. — «Трёхдневное опьянение». Ты будешь получать противоядие строго по графику. Отныне ты больше не принадлежишь к тайной страже.

«Трёхдневное опьянение» было ядом коварным, но по-своему милосердным. Без противоядия, которое следовало принимать раз в три дня, человек просто засыпал и больше не просыпался. Стражи сочли это лучшим вариантом: если И Шиэр когда-нибудь забудет о приёме, его смерть не напугает окружающих кровавым зрелищем.

Их больше не приковывали к императору, но теперь приковывали к принцу. В конце концов, с того самого мига, как они переступали порог дворца и становились членами тайной стражи, свобода для них переставала существовать.

Ему сохранили жизнь лишь потому, что он прослужил недолго, но даже при этом потребовалась дополнительная гарантия — яд, вручающий его судьбу в руки ребёнка.

И Шиэр запрокинул голову и проглотил пилюлю.

— И ещё кое-что, — добавил Глава. — Его Величество передал: Седьмой принц не выносит запаха крови. Пока твои раны не затянутся, на глаза ему лучше не показываться. А если он закатит истерику, требуя встречи, позаботься о том, чтобы от тебя ничем не пахло.

Опираясь на стену, И Шиэр с трудом поднялся на ноги.

— Понял.

Он сделал несколько неверных шагов, но вдруг замер. Глава тайной стражи уже приготовился выслушать какую-нибудь прощальную речь или пафосное напутствие и даже выпрямился, собираясь выдать из себя пару слов утешения.

— Раз я больше не в тайной страже, — подал голос И Шиэр, — мне всё ещё будут платить жалованье?

Глава:

— ...

И Шиэр на мгновение задумался:

— Где платят больше: в тайной страже или за присмотр за детьми?

— ...

— Где я буду жить? Каков мой рабочий день? Есть ли особые требования?

Глава не выдержал и, подавив искушение отвесить новоиспечённой няньке пинка, рявкнул:

— Пошёл вон!

Солнечные лучи пробивались сквозь резные оконные рамы.

Цюй Дубянь сладко потянулся. Видит бог, каждое утро, когда он осознавал, что в запасе у него ещё добрых тридцать дней жизни, его охватывало невероятное чувство безопасности. Те времена, когда он просыпался в лихорадке и тут же начинал крутить тайцзи, наконец-то ушли в прошлое.

«Где И Шиэр?»

[Цель на расстоянии двухсот метров от носителя]

Дубянь ещё не знал, что стража официально закрепили за ним, а потому принялся рассуждать сам. Датчик приближения работал только в радиусе трёхсот метров; всё, что дальше, Симулятор просто не видел.

«Значит, папа всё-таки выпустил Большого чёрного мотылька. Раз такое расстояние... кажется, он где-то рядом с императором?»

Впрочем, неважно. Главное, что после той выходки И Шиэра не казнят. Спасти свою будущую «кормушку» с жизненными очками было делом первостепенной важности.

Позавтракав после разминки, Дубянь решил прогуляться. Людей, с которых можно было

«состричь» очки благосклонности, в его окружении было катастрофически мало. Раньше он был заперт во дворце Цзюйань, а теперь преград не осталось. Самое время выйти «в свет».

Император ещё не закончил утренний приём, а значит, во дворце Цзычэнь Дубянь был полноправным хозяином. Никто не смел ему перечить.

Ухватившись за край халата Е Сяююаня, он решительно зашагал к выходу:

— Спутник Е, скорее, пойдём! А то скоро папа вернётся, и мы никуда не попадём.

— Ваше Высочество! Пойдите! Может, оставите курильницу? — евнух Бао чувствовал, что седеет на глазах. Присматривать за этим ребёнком было сущим испытанием. — Это же любимая курильница Его Величества...

Маленькому принцу очень понравились благовония, которые император составлял лично. Последние два дня он то и дело обнимал золотой сосуд, вдыхая аромат. Но одно дело — в покое, и совсем другое — тащить его на прогулку!

Золочёная курильница, украшенная тончайшей гравировкой и россыпью нефритов, стояла целое состояние. Кто-то счёл бы сочетание золота и камней безвкусным, но Дубянь — нет, он был в восторге.

— Поиграю немного и верну, не сломаю. Папа сам сказал, что я могу брать всё, что захочу.

Добравшись до длинной лестницы дворца Цзычэнь, он заметил гладкие каменные спуски по бокам от ступеней. Глаза его загорелись. Всучив курильницу Е Сяююаню, он обернулся к другому слуге:

— Сяочунь, хочу скатиться вниз!

Вэнь Сяочунь послушно кивнул и, подобрав полы одежды, быстро сбежал вниз, встав у подножия желоба.

— Ваше Высочество, прошу, — улыбнулся он.

Дубянь со свистом скатился вниз.

Евнух Бао ахнул, схватившись за сердце:

— Ваше... Ваше Высочество! — он в панике повернулся к Сяююаню. — Евнух Е! Почему вы его не остановили?!

Это же чистое безумие! Если принц хоть поцарапается, их всех засекут до смерти!

— Его Высочество и на качелях вытворял вещи куда опаснее, — невозмутимо отозвался Е Сяююань. — Мы привыкли. К тому же Сяочунь внизу, ничего не случится. — Он мягко улыбнулся. — На самом деле, принц просто заботится о нас.

— Что-о?! — Бао уставился на него как на сумасшедшего.

— Ваше Высочество не хочет, чтобы мы тащили его на руках по лестнице. Он боится, что мы устанем.

Дубянь тем временем уже благополучно приземлился и весело замахал рукой:

— Спутник Е!

Е Сяююань повернулся к Бао:

— Маленький принц хоть и юн, но о нас, слугах, печётся больше всех. Пойдёмте же.

Глядя вслед этой троице, евнух Бао вдруг опомнился и хлопнул себя по лбу:

— Курильница! Курильница! Это же императорская вещь!

Разобьют — и поминай как звали! Но Вэнь Сяочунь и Е Сяююань уже сделали вид, что оглохли.

— Куда направимся, Ваше Высочество?

— В Императорский сад?

В каждом дворцовом сериале сад был главным местом «случайных» встреч с императором. Дубянь просто обязан был там побывать.

Новость о том, что император намерен выбрать наложницу для воспитания Седьмого принца, мгновенно стала главной темой для обсуждения в гареме.

Те из наложниц, что раньше под предлогом болезни пропускали утренние приветствия во дворце Фэнью, в эти дни стали приходить к императрице всё чаще и чаще. Каким бы «зловещим» ни считали Седьмого принца из-за слухов, он всё равно оставался сыном

императора, и те, кто не имел собственных детей, вовсе не были дурами.

То, что Его Величество в порядке исключения позволил благородной госпоже Жун воспитывать Пятого принца, было редчайшим случаем. Обычно для воспитания принца выбирали женщину рангом не ниже наложницы.

В двенадцати дворцах Восточного и Западного крыла сейчас было семь наложниц в ранге хозяйки дворца, и у пятерых из них уже были свои сыновья, так что император вряд ли бы включил их в список кандидаток. Оставались лишь наложница Сюань и наложница Лян, чьи колени были пусты. Но наложница Сюань уже много лет жила в уединении и не виделась с императором, а наложница Лян из-за борьбы за внимание государя всё ещё находилась под домашним арестом, а значит, тоже не имела права.

Следовательно, существовала огромная вероятность, что Его Величество выберет кого-то из благородных госпож и возвысит её до наложницы — или даже до ранга высшей наложницы, чтобы та могла заботиться о Седьмом принце. Это был шанс взлететь до самых небес! И дело не только в скрытых привилегиях, а хотя бы в жалованье: выплаты для наложниц и высших наложниц были гораздо выше, чем у благородных госпож.

Если упустить эту возможность, то при наличии стольких высокопоставленных дам с наследниками, сколько лет им придётся выслушивать попреки, прежде чем они смогут выбиться в люди? Поэтому благородные госпожи и прислужницы, считавшие себя достойными претендентками, то и дело бегали во дворец Фэнью, пытаясь разузнать хоть какие-то новости из дворца Цзычэнь или разузнать о предпочтениях Седьмого принца.

Императрице это порядком надоело, и она, сказавшись больной, отменила утренние приёмы на ближайшие несколько дней. Государь ясно дал понять, что не отдаст ей, своей императрице, Седьмого принца на воспитание. Этот вопрос был слишком тесно связан с делами внешнего двора, древними обычаями и старыми правилами. Для неё вмешательство в это дело принесло бы только вред.

И вот сейчас группа наложниц, выдворенная из дворца Фэнью, расходилась, каждая со своими мыслями. Вдруг по дворцовой тропе прибежала маленькая служанка. Запыхавшись, она доложила своей госпоже:

— Из дворца Цзычэнь пришли вести... говорят... Седьмой принц... Седьмой принц...

— Не тяни, что с ним?

Служанка наконец отдышалась:

— Седьмой принц отправился в Императорский сад!

Хлѣст! Служанка получила пощечину.

— Тварь, — прошипела её госпожа, — не могла говорить потише?

Она подняла голову и увидела, что те, кто ещё минуту назад называл друг друга сёстрами, уже вовсю спешили в одном направлении.

В Императорском саду, который государь посещал регулярно, не было ни единого заброшенного уголка. Несмотря на зиму, здесь вовсю цвели сливы мэйхуа. Бледно-жёлтые цветы выглядели изысканно и строго, наполняя морозный воздух тонким, едва уловимым ароматом.

Прижимая к себе золотую курильницу, Дубянь ещё издали заметил Шестого принца, Цюй Дуфэна, который отчаянно пытался взобраться на дерево. Пятый принц, Цюй Душэнь, с каменным лицом стоял внизу, держа в руках фарфоровую вазу.

— Пятый брат! Шестой брат! — закричал Дубянь, маша рукой.

Шестой принц обернулся, едва не сорвавшись с ветки:

— Седьмой братец? Ты поправился?

— Мы с братом хотели навестить тебя, но отец запретил беспокоить тебя, пока ты не окрепнешь, — добавил Пятый принц.

— Спасибо, что не забыли. А вы почему не на уроках?

Цюй Дуфэн спрыгнул на землю, отряхивая ладони:

— Слышал, школу переводят из третьего зала во второй. Там сейчас прибираются, так что пойдём только послезавтра.

— Шестой брат, если тебе нужны цветы, почему ты не попросишь слуг помочь? — Дубянь кивнул на стайку евнухов и служанок, стоявших поодаль.

— Последние дни матушка прихворала. Лекари ходят один за другим, и настроение у неё... — Шестой принц горестно вздохнул. — А когда матушка не в духе, она заставляет меня зубрить книги. Вот я и решил сорвать ей мэйхуа, чтобы порадовать. Но только если я сам сорву, это подействует.

«И поэтому ты заставил Пятого брата стоять здесь с вазой и мёрзнуть?»

Пятый принц, судя по всему, к такому отношению привык. Его руки, сжимавшие фарфор, уже посинели от холода, но он и не думал прятать их в рукава. Если так пойдёт и дальше, он скоро и кисть держать не сможет.

— Пятый брат, поддержи-ка это.

Дубянь поставил вазу на землю, а свою драгоценную курильницу впихнул в руки Пятому принцу. Тот растерялся:

— Седьмой братец...

— Это папина курильница.

Цюй Душэнь тут же округлил глаза и прижал золотой сосуд к груди с удвоенным усердием.

— Отца-императора?

Дубянь тем временем притянул Шестого принца за шею к себе:

— Скажи, твоя матушка любит папу больше, чем цветы?

Тот задумался:

— Ну да.

— А курильница пахнет так же хорошо, как мэйхуа?

— Пожалуй.

— Тогда, если ты принесёшь ей пепел из этой курильницы... это ведь почти то же самое? Только ей понравится ещё больше.

Шестой принц погрузился в глубокое раздумье.

— Пожалуй, ты прав. Но почему бы тебе просто не отдать мне всю курильницу?

— Папины вещи нельзя раздавать направо и налево, — назидательно проговорил Дубянь. — Но

раз мы с тобой в ладах, я могу по секрету отсыпать тебе немного пепла. — Он и глазом не могнул, продолжая вдохновенно врать: — Это не просто пепел, это «императорское подношение». Вещь редкая и необыкновенная.

Шестой принц посмотрел на него мгновение, а затем вдруг шмыгнул носом и восторженно обнял брата:

— Седьмой братец, ты лучший! А я-то раньше думал, что ты вредина. Если матушка подберет и не заставит меня учить стихи, я всегда буду на твоей стороне!

Дубянь лучезарно улыбнулся. Вдвоём они аккуратно пересыпали немного серого пепла из золотого сосуда в фарфоровую вазу.

«Наш принц такой живой и находчивый, просто загляденье!»

Е Сяююань и Вэнь Сяочунь, наблюдая за этим мастерским обманом, лишь переглянулись.

Слуги из дворца Сюсян, приставленные к Шестому принцу, лишь вздыхали, не решаясь вмешаться.

«Ну, как всегда»

Щедро поделившись «императорским пеплом», Дубянь наконец освободил окоченевшие руки Пятого брата.

Внезапно издалека донёлся шум шагов. Сначала едва слышный, он быстро нарастал, доносясь, казалось, со всех сторон сразу. Слуги принцев замерли в замешательстве, то и дело кланяясь приближающимся наложницам, прислужницам и благородным господам.

Дамы в нарядах один краше другого — кто в изысканно-простых, кто в вызывающе-ярких — спешили по дорожкам сада. Звон их украшений сливался в единый гул. Однако шли они так быстро, а лица их были столь сосредоточены, что эта пёстрая толпа внушала невольный трепет.

Дубянь покрепче прижал к себе курильницу.

«Неужели прознали, что папа скоро закончит приём, и прибежали его встречать?»

Он уже хотел было увести братьев подальше от греха, как вдруг одна из дам звонко выкрикнула:

— Седьмой принц здесь!

В то же мгновение десятки взглядов скрестились на самом маленьком ребёнке в саду. На лицах наложниц расцвели «нежные и любящие» улыбки, в которых Дубянь без труда разглядел хищный блеск.

Мальчик замер. Озорная искорка в его глазах сменилась искренним ужасом.

Оказалось, вся эта лавина неслась напрямиком на него!

<http://bllate.org/book/16117/1587587>